

Владимир Буковский / Фото из архива Международного общества «Мемориал»

02.03.2018, 18:21 Москва

ДОКУМЕНТЫ

«Зачем было тянуть дело семь месяцев?»: последнее слово Владимира Буковского

22 февраля к году колонии был **приговорен** Дмитрий Борисов — последний на сегодня обвиняемый по «Делу 26 марта», заведенному по следам разгона акции в районе Пушкинской площади в Москве в 2017 году. 1 марта Михаил Галяшкин **получил** год условно за участие в еще одной протестной акции в том же самом месте, но 12 июня прошлого года. Историк Алексей Макаров подготовил для публикации на сайте ОВД-Инфо последнее слово Владимира Буковского, одного из обвиняемых по делу об акции, случившейся 50 годами ранее, — демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Осенью 1966 года, несмотря на протесты известных деятелей науки и культуры, в Уголовный кодекс РСФСР были введены новые статьи. В частности, теперь предполагалась уголовная ответственность за участие в несогласованных митингах. Группа диссидентов в январе 1967 года, считая эти статьи противоречащими Конституции СССР, решила выйти на Пушкинскую площадь и заявить об этом, заодно проверив, работают ли декларируемые в Конституции права советских граждан. Кроме того, они выступали в защиту политзаключенных. Демонстрация была разогнана, а ее участники арестованы. Этой демонстрации была посвящена [записка](#) председателя КГБ Владимира Семичастного.

Ниже приводится последнее слово одного из подсудимых — Владимира Буковского. Он был приговорен к трем годам лагерей.

Одновременно с Буковским судили также поэтов Вадима Делоне (1947–1983) и Евгения Кушева (1947–1995). Делоне был приговорен к году условно с пятилетним испытательным сроком, в 1968 году принял участие в знаменитой «Демонстрации семерых» и был приговорен двум годам и 10 месяцам лагеря. В 1975 эмигрировал во Францию. Кушев также был приговорен к году условно с пятилетним испытательным сроком. В 1974 году он эмигрировал.

Кроме того, отдельно от Буковского, Кушева и Делоне судили рабочего Виктора Хаустова (р.1938), который

получил, как и Буковский, максимальное наказание по статье — три года лагеря.

Педагог и поэт Илья Габай (1935–1973) также был арестован за участие в демонстрации 22 января, но дело против него было прекращено.

Многие явления, упоминаемые Буковским, так знакомы современному гражданскому обществу — провокации на акциях, задержания спокойно стоящих людей, отказ сотрудников представляться, вмешательство в следствие органов госбезопасности, неоправданное содержание людей в СИЗО.

Вадим Делоне / Фото из архива Международного общества «Мемориал»

Евгений Кушев / Фото из архива Международного общества «Мемориал»

1 СЕНТЯБРЯ 1967. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО

Текст документа приведен по публикации в сборнике документов «Правосудие или расправа?»

Я приношу благодарность моему защитнику^[1] и моим товарищам.

Готовясь к суду, я ожидал, что суд полностью выявит все мотивы действий обвиняемых, займется юридическим анализом дела. Ничего этого суд не сделал. Он занялся характеристикой обвиняемых — между тем, хорошие мы или плохие, это не имеет отношения к делу.

Я ожидал от прокурора^[2] детального разбора «беспорядка», который мы произвели на площади: кто кого ударил, кто кому наступил на ногу. Но и этого не последовало.

Прокурор в своей речи говорит: «Я вижу опасность этого преступления в его дерзости».

Судья^[3]: Подсудимый Буковский, почему вы цитируете речь обвинителя?

Буковский: Надо мне — я и цитирую. Не мешайте мне говорить. Поверьте, мне и так нелегко говорить, хотя внешне моя речь идет плавно. Итак, прокурор считает наше выступление дерзким. Но вот передо мной лежит текст советской Конституции:

«В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом... г) свобода уличных шествий и демонстраций»^[4]. Для чего внесена такая статья? Для первомайских и октябрьских демонстраций? Но для демонстраций, которые организует государство, не нужно было вносить такую статью — ведь и так ясно, что этих демонстраций никто не разгонит. Нам не нужна свобода «за», если нет свободы «против». Мы знаем, что демонстрация протеста — это мощное оружие в руках трудящихся, это неотъемлемое право всех демократических государств.

Где отрицается это право? Передо мной лежит «Правда» от 19 августа 1967 г., сообщение из Парижа. В Мадриде происходил суд над участниками первомайской демонстрации. Их судили по новому закону, который недавно принят в Испании и предусматривает тюремное заключение для участников демонстрации от полутора до трех лет^[5]. Я констатирую трогательное единодушие между фашистским испанским и советским законодательством.

Судья: Подсудимый, вы сравниваете вещи несравнимые: действия фашистского правительства Испании^[6] и Советского государства. В суде недопустимо сравнение советской политики с политикой иностранных буржуазных государств. Держитесь ближе к существу обвинительного

заклучения. Я возражаю против злоупотребления предоставленным вам словом.

Буковский: А я возражаю против нарушения вами моего права на защиту.

Судья: Вы не имеете права что-либо возражать. В судебном процессе все подчиняется председательствующему.

Буковский: А вы не имеете права меня перебивать. Я не уклонился от существа моего дела. На основании статьи 243 УПК[7] я требую, чтобы это мое возражение было занесено в протокол.

Судья (секретарю): Занесите, пожалуйста.

Буковский: Прокурор говорил голословно. Но об этом потом. Никто из выступавших не привел примеров грубого нарушения общественного порядка на площади Пушкина — кроме одного свидетеля, но стоит ли о нем говорить, если его фамилия Безобразов[8].

Судья: Подсудимый, прекратите недопустимый тон. Какое право вы имеете оскорблять свидетеля? И потом, вы говорите, точно на митинге, обращаясь к публике. Обращайтесь к суду.

Буковский: А я его не оскорбляю. Рассмотрим дело по существу. Люди в штатском, без повязок, называли себя дружинниками — но только из их действий можно было понять, что они дружинники. Дружинники играют серьезную положительную роль в борьбе с преступностью — ворами, хулиганами и т. п., при этом они всегда носят повязки. И никакой инструкцией не предусмотрено право дружинников разгонять политические демонстрации. Кстати, об инструкции — где она? Она не закон, но если она обязательна и достаточно ссылки на нее в суде, — а она ведь была применена, люди были задержаны, и на них завели дело, — тогда она должна

быть оглашена в суде. Но эта инструкция во всяком случае требует, чтобы дружинники при исполнении своих обязанностей носили повязки. А они нам даже не показали своих документов. Когда ко мне подбежал выступавший здесь свидетелем дружинник Клейменов [9], он крикнул: «Что это за гадость здесь поразвесили? Сейчас как дам в глаз!».

Безусловно, все это было подготовлено: люди на площади знали заранее о нашей демонстрации. В самом деле, милиционер Грузинов показал, что он не заметил на площади никакого нарушения общественного порядка и не подходил к демонстрантам до тех пор, пока некий человек в штатском не приказал ему задержать одного из нас. Может быть, этот человек был дружинником? Нет. Как мог бы опытный милиционер не опознать дружинника, если бы у него была повязка? Так кто же мог быть этот человек? С какой стати Грузинов стал бы выполнять просьбу частного лица о задержании другого, не нарушившего общественный порядок? Значит, он был заранее проинструктирован, и, видимо, достаточно конкретно.

Полковник КГБ Абрамов [10] прибыл на площадь, наверно, не как частное лицо. Вряд ли он там гулял, да и по его действиям непохоже. Напрасно суд не вызвал его в качестве свидетеля — он мог бы сообщить по делу вещи не менее важные, чем многие другие свидетели.

Заметьте, я до сих пор не употреблял этого слова, но тут похоже на провокацию. В самом деле, как еще назвать это? Представьте себе, что вы 1 мая идете по улице с первомайскими лозунгами и какой-нибудь гражданин в штатской одежде, без повязки, отнимает у вас этот лозунг. Тут ясно, извините за выражение, что он может схлопотать по шее. По шее. Не на это ли рассчитывали дружинники и не затем ли прибыл полковник Абрамов на площадь Пушкина? Не за тем ли,

чтобы вовремя уловить момент, когда возникнет повод для уголовного дела? Тут интересны слова полковника Абрамова, которые он сказал, когда Делоне привели в штаб дружины: «Делоне, если бы мы вовремя не прекратили эту демонстрацию, вы, молодой поэт и интеллигентный юноша, оказались бы в тюрьме с ворами и хулиганами».

А зачем нужно было производить столько обысков? Зачем обыскивать нарушителя общественного порядка? Чтобы отобрать у него предмет, посредством которого он нарушил этот порядок? У нас нечего было отбирать дома — мы всё принесли на площадь. Чего же было искать? Булыжников, которые мы должны были кидать? Ну, еще можно было бы понять, если бы обыски были произведены только у нас. Однако обыски были произведены даже у свидетелей и у посторонних лиц (*перечисляет фамилии*). Зачем это? Можно понять: обыски дают возможность следить, искать других участников и т. п. Однако немыслимо, чтобы такое число обысков было произведено по случаю нарушения общественного порядка на площади. Зачем нам предъявляют для опознания фотографии людей, не имеющих отношения к демонстрации? Все это можно понять только в том случае, если обысками руководил КГБ.

Органы государственной безопасности выполняют в нашей стране полицейскую роль. О какой демократии можно говорить, когда за нами непрерывно следят? Пусть ловят шпионов. Зачем нас допрашивают о наших знакомых, о том, что мы делали два-три года назад, и т. п.?

Я признаю важную роль органов КГБ в борьбе за безопасность государства. Но при чем они в данном случае? Здесь не было внешних врагов. Может быть, думали о внутренних? Оснований для вмешательства органов госбезопасности не было. Но посмотрим, как велось наше дело.

Зачем было его тянуть семь месяцев? И кстати, почему нас сразу поместили в следственный изолятор КГБ? Я не стану отвлекать внимание суда описанием условий изолятора — но ведь есть и разница. Здесь, в изоляторе, по двое, по трое в камере, а в обычных тюрьмах по 7–8 человек. Если приходится сидеть много месяцев, это сказывается на психическом состоянии человека. К тому же там совсем другие условия с питанием, передачами. Зачем было тянуть дело семь месяцев? Я вижу только одно объяснение: отыскать какой-нибудь повод, чтобы замести следы этого неблагоприятного дела. Когда же затягивать стало уже невозможно, процесс над нами сделали настолько закрытым, чтобы никто не смог сюда проникнуть и убедиться в беззаконии.

Следствие по нашему делу начала прокуратура, но постановление о моем аресте было подписано капитаном КГБ Смеловым [11]. На четвертый месяц наше дело было передано из прокуратуры в КГБ. Это процессуальное нарушение: статья 125 УПК РСФСР [12] точно определяет круг дел, входящих в компетенцию КГБ. 190-й статьи [13] там нет. Более того: в тот же день, что указ о введении этой статьи [14], был принят другой указ, по которому статья 126 УПК [15] была дополнена указанием, что дела по статье 190 должны рассматриваться органами прокуратуры. А если уж КГБ нашел, что в нашем деле имеются основания к расследованию по статье 70, тогда он имел право начать расследование. Но с чего он должен был начать? С предъявления обвинения. Он этого не сделал. Может быть, не было расследования по статье 70? Нет, было. Судя по допросам свидетелей, оно проводилось. И в деле есть документ, доказывающий, что расследование было: постановление о прекращении расследования по статье 70. Но нельзя прекратить то, что не начиналось. (Перечисляет нарушенные статьи Уголовно-процессуального кодекса.)

Судья: Подсудимый Буковский, нас это не интересует. Держитесь близко к обвинительному заключению. Какое значение то, что вы говорите, может иметь для разрешения вашего дела по существу?

Буковский: Я уже говорил о том, что вы не имеете права меня перебивать. А отношение очень простое: вы думаете, легко мне было в изоляторе понимать, что меня обвиняют и ведут следствие по статье 70, а мне ее не предъявляют? Все эти незаконные действия КГБ прокурор и пытается прикрыть, голословно поддерживая обвинение по статье 190–3 УК[16]. В ходе следствия нарушалась законность, и мой долг — сказать об этом, поэтому я и говорю.

Мы выступили в защиту законности. Непонятно, почему прокуратура, в чьи обязанности входит охранять права граждан, санкционирует подобные действия дружинников и КГБ?

Теперь я должен объяснить наши лозунги. Демонстрация была проведена с требованием освобождения Галанскова[17], Добровольского[18], Лашковой[19] и Радзиевского[20]. Но ведь они еще не осуждены. А что если окажется, что они невиновны? Вот Радзиевский-то уже освобожден из-под стражи. В чем же тогда преступность нашей демонстрации?

Теперь относительно второго лозунга. Мы выступили не против законов. Мы требовали пересмотра указа от 16 сентября и статьи 70 УК. Разве это противозаконные действия? Мы протестовали против антиконституционного указа. Разве это антисоветские требования? Не одни мы находим Указ антиконституционным — группа представителей интеллигенции, в том числе академик Леонтович[21], писатель Каверин[22] и другие, обратились с подобным же требованием в Президиум Верховного совета СССР[23].

Разве Конституция — не основной закон нашей страны?

Читаю полный текст статьи 125:

«В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- а) свобода слова;
- б) свобода печати;
- в) свобода собраний и митингов;
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц (да, улиц, гражданин прокурор!), средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления».

Теперь о 70-й статье. Мы требовали ее пересмотра, потому что она дает возможность слишком широкого толкования. Вот ее текст:

«Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления советской власти, либо совершения отдельных особо опасных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление и хранение в тех же целях литературы такого же содержания — наказываются лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет».

В статье 70 соединены столь разнородные вещи, как агитация и пропаганда, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, и, с другой стороны, клеветнические измышления против общественного строя. Диапазон санкций тоже слишком велик — от полугода до семи лет. В научно-практическом комментарии эта статья разбита на четырнадцать пунктов. По-видимому, именно в этом направлении

ее и следовало бы пересмотреть, сделав более определенными и санкции. Это уменьшило бы произвол. Правда, статья 190–1 — уже некоторый шаг в этом направлении, некоторая тенденция к пересмотру наблюдается, но этого недостаточно для полного согласования с требованиями Конституции.

Судья: Подсудимый Буковский, мы же юристы, и все присутствующие в зале тоже в седьмом классе учились. Нам понятно, что вы, только теперь столкнувшись с проблемами права, заинтересовались ими. Мы приветствуем этот интерес, но здесь об этом так много говорить не нужно. Поймите: нам же нужно решить вопрос о вашей виновности или невиновности, решить вашу судьбу. Возможно, вы поступите на юридический факультет МГУ — там на семинарах вы будете обсуждать эти вопросы уже на более высоком уровне.

Буковский: Нет, я туда не поступлю. Я возражаю прокурору, который обвиняет нас в юридической безграмотности и несерьезности. Нет, я знаю законы и говорю о них серьезно. А если то, о чем я говорю, настолько хорошо известно — тем более непонятно, почему прокурор усматривает преступление в критике законов.

В преамбуле статьи 125 Конституции говорится: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом...» Совершенно ясно, что ни юридически, ни грамматически нельзя толковать эту преамбулу как означающую, что перечисленные в этой статье свободы, включая свободу митингов и демонстраций, разрешены только при условии, что они осуществляются в целях, которые указаны в этой преамбуле. Свобода слова и печати есть в первую очередь свобода критики. Хвалить правительство и так никто никогда не запрещал. Если внесены в Конституцию статьи

о свободе слова и печати, то имейте терпение выслушивать критику. Как называются страны, в которых запрещается критиковать правительство и протестовать против его действий? Может быть, капиталистическими? Нет, мы знаем, что в буржуазных странах существуют коммунистические партии, которые ставят себе целью подрыв капиталистического строя. В США коммунистическая партия была запрещена — однако Верховный Суд объявил это запрещение антиконституционным и восстановил коммунистическую партию во всех ее правах[24].

Судья: Подсудимый Буковский, это не имеет отношения к обвинительному заключению по вашему делу. Поймите, что суд не правомочен решать те вопросы, о которых вы говорите. Мы должны не обсуждать, а исполнять законы.

Буковский: Опять вы меня перебиваете. Поймите, мне все-таки трудно говорить.

Судья: Я объявляю перерыв на пять минут.

Буковский: Я об этом не просил, я уже скоро закончу свое последнее слово. Вы нарушаете непрерывность последнего слова.

Судья объявляет перерыв. После перерыва.

Судья: Подсудимый Буковский, продолжайте ваше последнее слово, но я вас предупреждаю, что, если вы будете продолжать критиковать законы и деятельность КГБ, вместо того чтобы давать объяснения по существу, я вынуждена буду вас прервать.

Буковский: Поймите, что наше дело очень сложное. Нас обвиняют в критике законов — это дает мне и право, и основание обсуждать эти основные юридические вопросы в моем последнем слове. Но есть и другая тема. Это вопросы честности и гражданского мужества. Вы —

судьи, в вас предполагаются эти качества. Если у вас действительно есть честность и гражданское мужество, вы вынесете единственно возможный в этом случае оправдательный приговор. Я понимаю, что это очень трудно.

Прокурор (*перебивает*): Я обращаю внимание суда на то, что подсудимый злоупотребляет правом на последнее слово. Он критикует законы, дискредитирует деятельность органов КГБ, он начинает оскорблять вас — здесь совершается новое уголовное преступление. Как представитель обвинения, я должен это пресечь и призываю вас обязать подсудимого говорить только по существу предъявленного ему обвинения, иначе можно до бесконечности слушать речи с любой критикой законов и правительства.

Судья: Подсудимый Буковский, вы слышали замечание прокурора. Я разрешаю вам говорить только по существу обвинительного заключения.

Буковский (*прокурору*): Вы обвиняете нас в том, что мы своими лозунгами пытались дискредитировать КГБ, но сам КГБ уже настолько себя дискредитировал, что нам нечего добавить. (Суду.) Я говорю по существу. Но того, что хочет услышать от меня прокурор, он не услышит. Состав преступления в нашем деле нет. Я абсолютно не раскаиваюсь в том, что организовал эту демонстрацию. Я считаю, что она сделала свое дело, и когда я окажусь на свободе, я опять буду организовывать демонстрации, конечно, опять с полным соблюдением законов. Я сказал все.

Владимир Буковский / Фото из архива Международного общества «Мемориал»

[1] Каминская Дина Исааковна (1919–2006). Одна из самых известных диссидентских адвокатов. Защищала

Юрия Галанскова (1967–1968) на «процессе четырех», Анатолия Марченко (1968), Павла Литвинова и Ларису Богораз по делу о демонстрации 25 августа 1968, Мустафу Джемилева и Илью Габая (1969–1970). В 1971 году лишена допуска на защиту по политическим делам. Эмигрировала в 1977 в США.

[2] Миронов В.М.

[3] Шаповалова Ю.Б.

[4] Статья 125 Конституции 1936 года.

[5] Закон 3/1967 от 8 апреля о внесении изменений в некоторые статьи Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса ужесточил ответственность по ряду «государственных преступлений» в Уголовном кодексе Испании 1944 года.

[6] Имеется в виду режим Франсиско Франко (1939–1975), который боролся не только с коммунистами, но и с независимыми профсоюзами.

[7] Статья 243 УПК РСФСР 1960 года «Председательствующий в судебном заседании». Согласно этой статье, «в случае возражения кого-либо из лиц, участвующих в судебном разбирательстве, против действий председательствующего эти возражения заносятся в протокол судебного заседания».

[8] Безобразов, студент МАДИ, член оперативного отряда Московского комитета комсомола.

[9] Клейменов, инструктор горкома ВЛКСМ. Начальник оперативного отряда Московского комитета комсомола.

[10] Абрамов Иван Павлович (?-2014). Руководитель 5-го управления КГБ (1983–1989). Полковник (по состоянию на 1967 год). Пятое управление КГБ было создано 17 июля 1967 года для борьбы с диссидентами. В 1989 году оно

было преобразовано в Управление по защите советского конституционного строя КГБ СССР.

[11] Смелов Константин Константинович (1923-?).

Участник Второй мировой войны (снайпер 1-го мотострелкового полка ОМСБОН войск НКВД). В начале 1950-х участвовал в следствии по делу «Союза борьбы за дело революции». Старший следователь УКГБ по Москве и Московской области (по состоянию на 1967).

[12] «Органы предварительного следствия.

Предварительное следствие по уголовным делам производится следователями прокуратуры, а по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 64 — 70, 72, 73 и 79 Уголовного кодекса РСФСР, — также следователями органов государственной безопасности».

[13] «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей».

[14] Указ от 16.09.1966 (текст).

[15] «Обязательность предварительного следствия.

Производство предварительного следствия обязательно по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 64 — 88, 89 частями второй и третьей, 90 частями второй и третьей, 91, 92, 93 частями второй и третьей, 95, 98 частью второй, 99, 102 — 111, 114 — 121, 124 — 129, 130 частями второй и третьей, 132 — 143, 145 частями второй и третьей, 146, 147 частями второй и третьей, 148, 149 частью второй, 150 — 153, 154 частью второй, 155, 156 частью второй, 157, 159, 160, 161, 162 частью второй, 164,

170 — 181, 183, 184, 189 — 193, 195 частью второй, 202 — 205, 210, 211 частью второй, 212 частью второй, 213 — 216, 221, 226, 231 — 269 Уголовного кодекса РСФСР, а также по всем делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или лицами, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществить свое право на защиту».

[16] «Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок. Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий, — наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей».

[17] Галансков Юрий Тимофеевич (1939–1972), поэт, журналист, общественный деятель. Один из лидеров чтений на площади Маяковского (1959–1961). Автор и редактор самиздата: составитель сборника «Феникс» (1961, 1966) и др. Участник «Митинга гласности» (5.12.1965). Неоднократно подвергался принудительной госпитализации, обыскам, задержаниям. Политзаключенный (1967–1972, Дубравлаг). Один из инициаторов сопротивления политзаключенных произволу администрации. Умер в лагерной больнице.

[18] Добровольский Алексей Александрович (1938–2013). Рабочий, публицист. Организатор подпольной группы «Российская национально-социалистическая партия» (1957), член Народно-трудового союза российских солидаристов (1966–1967). Автор самиздата, участник сборника «Феникс» (1966). Участник «Митинга гласности» (1965). Неоднократно подвергался арестам. Политзаключенный (1958–1961, Дубравлаг; 1964–1965,

Ленинградская специальная психиатрическая больница; 1966, психиатрическая больница № 3, Москва; 1967–1969, Дубравлаг). После освобождения в 1965 году начал сотрудничать с КГБ. Давал откровенные показания на «Процессе четырех», где сам был одним из обвиняемых (дело Александра Гинзбурга, Юрия Галанскова, Веры Лашковой и Добровольского 1967–1968 годов об антисоветской агитации и пропаганде), после чего стал персоной non grata в диссидентском кругу. Давал также свидетельские показания на судах над участниками демонстрации 22 января 1967 года (в том числе против самого Буковского), по делам Ильи Габая, Петра Григоренко. С 1989 года — один из руководителей русских язычников (под именем «волхв Доброслав»), жил в деревне Васенево (Шабалинский район Кировской области), в 2002 году приговорен к 2 годам условно за возбуждение межнациональной и межрелигиозной розни, несколько его книг признаны российским судом экстремистскими. Умер в Васенево.

[19] Лашкова Вера Иосифовна (р.1944). Работала машинисткой. Квартира Лашковой была местом встреч литературной группы СМОГ (1965–1966). Распространяла самиздат: перепечатывала «Белую книгу» и «Феникс-66». Политзаключенная (1967–1968, СИЗО КГБ «Лефортово»). Машинистка «Хроники текущих событий» (1968–1972), участница Фонда помощи политзаключенным (1974–1982). Живет в Москве.

[20] Радзиевский Павел А. (р.1947). Техник московского Института по проектированию предприятий цветной металлургии. Арестован по делу Гинзбурга и Галанскова (см. выше) (с января по апрель 1967 года, СИЗО КГБ «Лефортово»), вскоре освобожден, выступал свидетелем на процессе. Предположительно в 1973 году эмигрировал.

[21] Леонтович Михаил Александрович (1903–1981). Физик-теоретик; академик АН СССР (1946). Подписал письмо 25 деятелей культуры против идеологической

реабилитации И. В. Сталина (1966), петицию против введения в УК статей 190–1 и 190–3 (1966), в 1970–1972 активно выступал в защиту преследуемых по политическим мотивам, за гуманизацию карательной политики. Допрошен по делу Юрия Орлова (1977–1978). Умер в Москве.

[22] Каверин Вениамин Александрович (1902–1989). Писатель. Подписывал обращения в защиту преследуемых по политическим мотивам, в том числе еще в сталинские годы, а также в защиту Андрея Синявского и Юлия Даниэля (1966), подписал петицию против введения в УК статей 190–1 и 190–3 (1966), поддержал письмо Александра Солженицына к IV съезду писателей (1967), участник петиционной кампании вокруг «Процесса четырех» (1968) (см. выше). Автор самиздата: широко циркулировали текст непроизнесенной речи на съезде писателей о положении в советской литературе (1967) и открытое письмо Константину Федину с критикой его участия в деле Синявского и Даниэля и в гонениях на Солженицына (1968). Умер в Москве.

[23] Обращение «группы советских граждан» (21 человек) к сессии Верховного Совета РСФСР в связи с введением в УК РСФСР статей 190–1 и 190–3 (1966). Текст письма, которое подписали Андрей Сахаров, Владимир Войнович, Виктор Некрасов, Михаил Ромм, Дмитрий Шостакович и другие можно прочитать [здесь](#) на страницах 6–7.

[24] Коммунистическая партия США не была запрещена, но с начала 1950-х годов вела судебные тяжбы о порядке и необходимости регистрации. Подробности этой эпопеи можно прочитать [здесь](#).

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

05.03.2026 **Москва**

Блогер-женоненавистник Арсен Маркарян получил реальный срок по делу о реабилитации нацизма